

Знакомства и встречи

Народный артист РСФСР Андрей Миронов сыграл в кино, на телевидении и в театре более 60 ролей и получил немало всевозможных премий. Если фильм с Мироновым, значит, веселый, рассуждает зритель. Билеты в Театр сатиры, где он, «повышая качество» смеха и бичуя наши недостатки, занят в основном составе уже 17 лет, начинают спрашивать метров за сто от входа.

Народный артист РСФСР

Андрей МИРОНОВ:

«ГДЕ ГРАНЬ МЕЖДУ ТРАГИЧНЫМ И КОМИЧЕСКИМ?»

АНДРЕЙ Миронов отвечает всем канонам комедийной звезды и даже звезды мюзикла. Он обаятелен, любит бурлеск, склонен к самоиронии. Он очень пластичен, прекрасно танцует, поет. Пластинку с записью песен в его исполнении купить совсем непросто.

К этому можно добавить, что Миронов удачлив и над ним «тяготее» наследственность. Его родители — известная комедийная пара Мария Миронова и Александр Менакер — несколько десятков лет конфликтуют между собой на эстраде, вызывая неизменные взрывы смеха. В 13 лет Андрей, как и следовало ожидать, «заболел» театром и сыграл первую роль в кружке художественной са-

модеятельности. В 1962 году он окончил театральное училище и был принят в Театр сатиры.

Итак, Миронов весел, удачлив, известен. Что же еще можно пожелать человеку?

«Мне бывает обидно, — написал он в одной из статей, — когда после спектакля с моим участием друзья говорят: спасибо, мы хорошо отдохнули. А я вроде бы и не ставил перед собой такой цели. Я тратил нервы, силы для того, чтобы заставить зрителя задуматься, задеть его, сделать своим единомышленником».

Будучи совсем молодым, Миронов полагал, что он должен играть только комедийные роли. Постепенно приходило мастерство, и его пер-

сонажи становились не так просты и однозначны. «Вспомним Гоголя и Чаплина, — скажет он позже. — Где в их творениях грань между трагичным и комическим?»

Может быть, именно поэтому зрителю в какой-то момент жаль мироновского Хлестокова в «Ревизоре» Гоголя, этого «калифа на час», который безумно стремится все получить сразу.

Миронов играл Фигаро. Он интриговал, лицедействовал, лел, притворялся. И была в его игре та неистовая эмоциональность, которую он сам лучше всего определил, говоря о другом артисте, певце Жаке Бреле: «У актера разрывалось сердце, он взрывался изнутри, сгорал и буд-то языками этого пламени касался моего сердца».

А потом спектакль закончился, и театр опустел. В толпе уходящих зрителей растворялся гипноз сцены. Миронов устало сидел в гримерной. Воротник рубашки расстегнут, рука закинута за спинку стула. Таким он бывает после репетиций, после записи на радио, после спектакля. Таким мы не привыкли его видеть. И, возможно, такой Миронов сказал как-то в беседе с корреспондентом: «Кто из артистов не мечтал сыграть Гамлета! Мне не довелось. Теперь надо думать о роли Клавдия, но и ее нет. Может быть, откроется вакансия на Сирано де Бержерака? Вот бы!»

— Что, по-вашему, главное в актерской работе? — спрашиваю я Миронова.

— На мой взгляд, возможность выразить своей игрой все, что тебя волнует, надежды и чаяния времени, в котором живешь. Только обязательно с предельной искренностью: если это боль, пусть будет боль, если радость, пусть радость. И с этой болью, с этой радостью пройтись к сознанию и чувствам зрителей. Наверное, это и есть главное, — отвечает он и улыбается обаятельной, ироничной и грустной, такой знаменитой улыбкой.

В. МЕЛИКОВ.

(«Московские новости» — АПН).